

RU

Художественно-педагогическая реконструкция и теоретический анализ опыта взаимоотношений «учитель – ученик» в образовательной сфере России начала XX в.

Галяс И. А., Руденко Ж. А.

Аннотация. Цель исследования – на основе теоретического анализа отдельных художественно-документальных текстов К. Г. Паустовского в жанре документальной прозы определить роль личности педагога в разрешении нравственно-педагогических проблем, возникающих в процессе взаимоотношений «учитель – ученик» в образовательной сфере России начала XX в. В статье обосновывается значимость приоритетных духовно-нравственных принципов и ценностей отечественной педагогики и психологии как основы традиционно-знаниевой парадигмы образования, актуализируется их востребованность в современной отечественной теории и практике. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале художественно-документальных рассказов К. Г. Паустовского о взаимоотношениях «учитель – ученик» в образовательной сфере России начала XX в. раскрывается роль личности педагога, в первую очередь как воспитателя и носителя нравственных общечеловеческих ценностей в традиционной знаниевой парадигме образования; выявляется значимость личностной самооценки учителя (профессиональной рефлексии) и индивидуального порога толерантности и ответственности педагога за процесс формирования личностного образа воспитанника, гуманистических качеств и психологических характеристик обучающегося. В результате было установлено, что существенным фактором успеха в разрешении нравственно-психологических проблем в системе взаимоотношений «учитель – ученик» как в традиционной, так и современной гуманистической парадигмах образования является личность педагога, его «человеческий фактор». Профессиональная рефлексия педагога – его личностная самооценка, проявляющаяся в психологических, творческих, моральных и умственных способностях учителя на деятельностном и интерактивном уровне влиять на духовный мир воспитанника, – создает условия для движения воспитательного процесса в сторону творческого самовыражения личности обучающегося. Способность учителя правильно оценивать и учитывать личностно-психологические особенности ученика обеспечивает формирование условий для личностного роста воспитанника, его ценностных установок и мировоззренческих ориентиров.

EN

Literary-pedagogical reconstruction and theoretical analysis of teacher-student relations in the educational sphere of Russia in the early 20th century

I. A. Galyas, Z. A. Rudenko

Abstract. The study aims to determine the role of a teacher's personality in solving moral and pedagogical problems arising in the process of teacher-student relations in the educational sphere of Russia in the early 20th century by conducting a theoretical analysis of individual documentary fiction texts by K. G. Paustovsky in the genre of documentary prose. The paper substantiates the importance of the priority spiritual and moral principles and values of Russian pedagogy and psychology as the basis of the traditional knowledge paradigm of education, actualizes their relevance in modern Russian theory and practice. The study is original in that it is the first to reveal the role of a teacher's personality primarily as an educator and bearer of moral universal values in the traditional knowledge paradigm of education based on K. G. Paustovsky's documentary fiction stories about the teacher-student relations in the educational sphere of Russia in the early 20th century. In addition, the paper determines the importance of a teacher's personal self-esteem (professional reflection) and their individual threshold of tolerance and responsibility for the process of forming the personal image of pupils, humanistic qualities and psychological characteristics

of students. As a result, it was found that an essential factor of success in solving moral and psychological problems in the system of teacher-student relations in both traditional and modern humanistic paradigms of education is the personality of a teacher, their "human factor". The professional reflection of a teacher, which is their personal self-assessment manifested in psychological, creative, moral and mental abilities at an active and interactive level to influence the spiritual world of a pupil, creates conditions for the movement of the educational process towards the creative self-expression of a student's personality. A teacher's ability to correctly assess and take into account students' personal and psychological characteristics ensures the formation of conditions for pupils' personal growth, their values and worldview orientations.

Введение

Актуальность темы исследования. Вопрос о позиции учителя как воспитателя, о характере его отношения к воспитанникам всегда был одним из наиболее острых, актуальных и на сегодняшний день остается таким как в России, так и за рубежом.

Смена образовательной парадигмы в России с традиционной – знаниево-центристской – на гуманистическую развивающую в 90-е годы XX в. привела к коррекции не только целей и задач образования, но и к модернизации системы смысложизненного и жизнотворческого воспитания учащихся. Парадоксальным оказалось противоречие, возникшее в процессе реализации новой гуманистической парадигмы: с одной стороны, сосредоточенность педагога преимущественно на личности обучающегося, на его самобытности, уникальности и субъективности, с другой стороны, ориентация обучающегося на приоритетные ценности материального мира, нацеливающая личность на выбор полезных знаний для достижения целерационального выгодного результата. Итогом этой установки стало общее снижение уровня культуры и нравственной воспитанности школьников, обусловленное не только кризисом семейного воспитания, но и потерей авторитета учителя, упадком уровня школьного и вузовского образования, в котором культурно-воспитательные идеалы, ценности и традиции национальной культуры, прививаемые ранее воспитанникам, потеряли свою значимость.

Уклон образования в сторону прагматичной этики успеха способствовал переориентации педагогической системы на оказание в школах, средних специальных учебных заведениях и вузах государственных услуг, итогом внедрения которых стало формирование личности выпускника с установками на честолюбие, чиновничество, беспринципную погоню за личным успехом, без учета общественного блага. Именно эта проблема воспитания сегодня актуализирована, признается востребованной, многоуровневой и после исключения в 2022 г. из законодательства РФ понятия «образовательная услуга» и его замены на «реализацию образовательных программ», обсуждается в научной педагогической среде большинством исследователей (О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»: Федеральный закон от 14.07.2022 № 295-ФЗ (последняя редакция). (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140031>).

Современная педагогическая наука нуждается не столько в поиске «идеальной» модели воспитания обучающихся (это уже не основоположение), сколько в создании условий, обеспечивающих движение воспитательного процесса по пути осуществления цели – становления личностного образа человека культуры. «Гуманизация образования нацелена на усиление тех положений отечественной и зарубежной педагогики, которые акцентируют внимание на уважении к личности воспитанника, доверительных отношений между учителем и воспитанником» (Краевский, 2002, с. 5).

Авторы статьи делают попытку на основе художественно-теоретического анализа отдельных текстов произведений К. Г. Паустовского в жанре документальной прозы выявить нравственно-педагогические проблемы, возникающие в процессе взаимоотношений «учитель – ученик» в образовательной сфере России начала XX в., и определить роль личности педагога в поиске возможных путей для их разрешения.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

– проанализировать отдельные тексты произведений К. Г. Паустовского: «Кишата», «Первая заповедь», «Преподаватели гуманитарных наук», «Вода из реки Лимпопо», «Осенние бои», «Артиллеристы», «Я был, конечно, мальчишкой» – и выявить базовые духовно-нравственные принципы и ценности гуманно-личностной педагогики и психологии как основы традиционно-знаниевой парадигмы образования, востребованные в современной отечественной теории и практике;

– показать роль личности учителя и его авторитета в поиске формы взаимодействия с учеником в системе знаниево-центристской образовательной парадигмы; раскрыть духовно-нравственный потенциал личности педагога и его «человеческий фактор» в процессе коммуникации с обучающимися.

Обращение авторов статьи к художественно-теоретическому анализу взаимоотношений «учитель – ученик» в российской традиционной системе образования и реконструкции образа учителя в произведениях советского педагога и журналиста Константина Паустовского обусловлено тем, что писатель является классиком в жанре документальной прозы и у его персонажей есть прототипы (реальные люди), с которыми автор был знаком лично – это и выдающиеся творческие пассионарные общественные деятели, и менее приметные, внешне скромные люди разных возрастов и профессий.

Авторов статьи интересуют особые персонажи – личности учителей Первой Киевской гимназии, в которой учился писатель в начале XX в. В своих биографических жанровых формах: рассказах, очерках-портретах, повестях – писатель поднимает проблемы влияния учителя на формирование личности ученика, раскрытие его способностей, круга интересов и увлечений, на роль семьи в воспитании ребенка. Особое внимание прозаик

обращает на нравственную культуру учительства, на чуткость педагогов к духовному миру воспитанников, на «человеческий фактор» наставников.

Важно отметить, что в своих очерках-портретах прозаик не искажает фактов, а восстанавливает отдельные эпизоды жизни своих героев, используя для этого эстетику импрессионизма, которая расширяет возможности передачи экспрессивной выразительности чувств и переживаний главных героев.

Для осмысления идей К. Г. Паустовского, воплощенных в его произведениях, в статье применяются следующие методы исследования: историко-ретроспективный метод; метод дискурсивного анализа текста; систематизация и обобщение педагогического опыта взаимоотношений «учитель – ученик» в традиционной парадигме образования, анализ нравственных принципов учительства; метод анализа и оценки художественного произведения в рамках культурно-исторического аспекта.

Материалы исследования:

- Анциферов Н. П. Из дум о былом: воспоминания / вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А. И. Добкина. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992.
- Бондарев Ю. Мастер // Воспоминания о Константине Паустовском: сборник / сост. Л. Левицкий. М.: Совет. писатель, 1975.
- Васильева О. Ю. Дети решат, куда идти стране // Аргументы и факты. 2017. 13 декабря. № 50.
- Гофф И. Превращения. Повесть воспоминаний: рассказы. М.: Советский писатель, 1984.
- Макаренко А. С. Педагогические сочинения: в 8-ми т. М., 1984. Т. 5.
- Отчет о торжественном годичном акте, происходившем в Киевской первой гимназии 19-го октября 1908 г. К., 1908.
- Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Худ. лит., 1982. Т. 4.
- Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Худ. лит., 1984. Т. 8.
- Столетие Киевской первой гимназии (1809-1811-1911 гг.). К., 1911. Т. 1. Именные списки и биографии должностных лиц и воспитанников гимназии.
- Сухомлинский В. А. Избранные педагогические сочинения: в 3-х т. М.: Педагогика, 1979. Т. 1.
- Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова: М.: Худ. лит., 1957. Т. 22.
- Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова: М.: Худ. лит., 1936. Т. 38.
- Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1995.

Теоретической базой исследования послужили публикации отечественных авторов, изучающих общие и нравственно-педагогические проблемы взаимоотношений «учитель – ученик» в традиционной и современной образовательной сфере России (Краевский, 2002; Степанов, Лузина, 2003; Михайлова, 2004; Бондаревская, 2007; Конопатов, Бышовец, Прокудин, 2019; Махринова, Егорушина, Хусаинова, 2021; Краснощекова, Лагунова, 2021). Ряд фундаментальных исследований в области литературоведения (Скороходов, 2018; 2023; Московская, 2023) акцентируют внимание на ранней биографии писателя К. Г. Паустовского и его воспоминаниях об учителях и воспитанниках Первой Киевской гимназии. Отдельно можно выделить публикацию Л. М. Яновской (1983), исследующей историю Киевской гимназии по архивным документам и реконструирующей на их основе целую галерею учителей и воспитанников лучшего культурно-образовательного учреждения России в XIX и нач. XX в. Дополнительным источником для анализа нравственно-педагогического опыта общения в системе «учитель – ученик» стало исследование А. А. Трошкина и М. В. Сухаревой (2016), оценивающих вклад ученого и педагога Н. И. Пирогова в развитие отечественной педагогики в России в XIX в. Публикация О. Д. Гараниной (2009), посвященная изучению понятия «человеческий фактор», позволила авторам статьи раскрыть его содержание применительно к человеческому потенциалу личности педагога.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выводы о существенной роли в современной гуманистической парадигме образования личности педагога не только как носителя и проводника знаний, но и как воспитателя, наставника, ориентирующего учащегося в системе поиска смысложизненных ориентаций и жизнетворческого выбора, могут быть использованы как теоретиками в области современной отечественной педагогики, занимающимися решением проблем обучения и воспитания подрастающего поколения, так и учителями-практиками, стремящимися овладеть базовыми духовно-нравственными принципами и ценностями гуманно-личностной отечественной педагогики и психологии.

Обсуждение и результаты

Структура отношений «учитель – ученик» представляет собой многоуровневую систему социальных связей, начиная от самых простых пространственных, психических и социальных контактов и до самых сложных социальных действий и взаимоотношений, носящих устойчивый характер.

Понятие «отношение» в социологии, психологии, философской антропологии – это всегда связь или взаимодействие людей или их сообществ между собой или характерная направленность их действий, в процессе которой каждый открывает другому свои свойства. Отношение всегда включает момент оценки и выражает пристрастность личности к субъекту или объекту.

«Отношения между учителем и учеником не выбираются, а диктуются необходимостью: для учителя – работать, учить, а для подрастающего поколения – учиться. Учитель не выбирает себе учащихся, а вступает в отношения с теми, кто пришел учиться. Ученик тоже не выбирает себе учителя, он приходит в школу, где уже работает

определенная группа учителей» (Михайлова, 2004, с. 3). От личности учителя, способностей и умения коммуницировать с обучающимся, учитывая его индивидуальные наклонности и особенности, зависит интерес к познавательной активности ученика и выбор им ценностных ориентиров.

Отечественные представители идей современной гуманистической парадигмы – Е. В. Бондаревская (2007), Е. Н. Степанов, Л. М. Лузина (2003), Г. А. Михайлова (2004), С. Н. Конопатов, Б. Д. Бышовец, В. Н. Прокудин (2019), М. В. Махринова, М. Г. Егорушина, Н. Б. Хусаинова (2021), Г. А. Краснощекова, О. А. Лагунова (2021), исследующие нравственно-педагогические проблемы взаимоотношений учителя и ученика в традиционной и современной образовательной сфере России, подчеркивают, что в процессе формирования отношений педагог определенным образом несет ответственность за формирование мировоззрения, ценностей, мотивов и реализацию потребностей обучаемого.

Воспитание в концепции гуманизации и гуманитаризации образования определяется как «гуманитарный, человекообразующий процесс, сущность которого проявляется в педагогической поддержке духовности и нравственности растущего человека на всех этапах его взросления, введении его в пространство культуры, оказании помощи в осмысленном выборе лично значимых ценностей и построении соответствующих им моделей собственного поведения, программ и проектов настоящей и будущей жизни» (Бондаревская, 2007, с. 10).

Российская классическая школа в своих исторических традициях знаниевой парадигмы делала попытку интегрировать обучение и воспитание, сочетая как рациональную составляющую образования – фундаментальные и академические знания, так и эмоциональную (чувственную) составляющую – гуманность или человечность. В исторической ретроспективе к нравственным и интеллектуальным лидерам российского образования можно отнести Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого, П. Ф. Каптерева, С. Т. Шацкого, А. С. Макаренко, С. И. Гессена, В. В. Зеньковского, В. А. Сухомлинского. «И воспитание, и образование нераздельны. Нельзя воспитывать, не передавая знания, всякое же знание действует воспитательно» (Толстой, 1936, с. 62). Эта идея, сформулированная Л. Н. Толстым в начале XX в. и обусловленная его размышлениями о воспитании, обучении и развитии ребенка, нашла свое продолжение в творчестве известного русского писателя, документалиста и педагога К. Г. Паустовского.

Авторы статьи обращают внимание на два значимых фактора, повлиявших на анализ художественного материала и его теоретическое осмысление не столько с позиций филологии, сколько в русле педагогики. Во-первых, К. Г. Паустовский является классиком в жанре документальной прозы и его повествования о времени обучения в Киевской гимназии в «Повести о жизни» близки к реальности, но и эти, в основном сугубо субъективные детские воспоминания учащегося своего времени позволяют понять, что переживали и чувствовали, о чем мечтали и какими были гимназисты своей родной *alma mater*. Не следует забывать и о том, что «это художественное произведение, поэтому некоторые отклонения от фактов, зафиксированных в документальных источниках, – это не всегда ошибки памяти автора повести, а следствие творческого подхода к создаваемому тексту» (Скорыходов, 2018, с. 59).

Во-вторых, традиционная система образования в Российской империи конца XIX и начала XX в. базировалась на знаниевой парадигме, главная цель которой заключалась в передаче молодому поколению наиболее существенных элементов культурного наследия человеческой цивилизации и ее опыта. Передача жизненных ценностей и нравственных идеалов осуществлялась на основе выдержавших испытание временем совокупности знаний, умений и навыков, позволяющих учителям обеспечивать функциональную грамотность и социализацию обучающихся, способствующих как их индивидуальному развитию, так и сохранению социального порядка в целом. Ученик в данной парадигме выступает как воспитанник и объект педагогического воздействия, а «в центре процесса обучения находится преподаватель (субъект обучения) – он проектирует среду обучения... и играет в ней активную роль» (Конопатов, Бышовец, Прокудин, 2019, с. 127).

В новой инновационной модели образования – модели активного обучения, где целью является сам процесс обучения, «роль педагога пассивная, он рассматривается как консультант или наставник, а активную роль играет сам обучающийся» (Краснощекова, Лагунова, 2021, с. 157). Возникшие дискуссии о соотношении традиционного и инновационного в системе обучения и воспитания, о достоинствах и недостатках в методах и приемах, применяемых в каждой из моделей обучения, вызвали интерес к личности педагога и смене его роли в процессе обучения и воспитания.

Именно личность педагога, его значимость в поиске гуманистических инструментов влияния на своих воспитанников, позволяет нам вновь обратиться к реконструкции и анализу тех базовых духовно-нравственных принципов и ценностей гуманно-личностной педагогики и психологии, которые сформировали в Первой Киевской гимназии просвещенную передовую отечественную элиту своего времени, а само учебное заведение приравнивали к лучшим культурным образовательным учреждениям России.

Следует отметить, что в воспоминаниях К. Г. Паустовского большинство педагогов и воспитателей гимназии отличались доброжелательностью и внимательностью к учащимся. В течение продолжительного времени (с начала обучения в начальной школе и до выпуска из гимназии) учащиеся и учителя находились в тесном контакте друг с другом и формировали особое чувство товарищества и взаимопонимания.

Благодаря тому, что преподаватели гимназии были в основном не только передовыми образованными людьми и прекрасными учителями, но и тонкими психологами, которые собственным примером воспитывали учащихся, добрые воспоминания о них гимназисты сохранили на всю свою жизнь.

Одним из таких педагогов для К. Г. Паустовского был директор Первой Киевской гимназии Евгений Андрианович Бессмертный, о котором писатель вспоминает в «Повести о жизни» как о «пожилом красавце с золотой

бородкой, в новеньком форменном фраке. Он был мягкий, просвещенный человек, но его почему-то полагалось бояться... Он сидел в высоком кабинете с портретом хирурга Пирогова» (1982, с. 82).

Исследователь творчества выпускника гимназии М. А. Булгакова (Паустовский учился с ним в Киевской гимназии и был младше его) Л. М. Яновская, работающая с архивными документами по вопросам истории гимназии, подчеркивает эти же особенности нрава директора: «...Бессмертный был не только человеком “мягким и просвещенным”, но и осмрительным, и достаточно твердым, делавшим все, чтобы оградить “горячие головы” своих учеников от того, что считал неоправданным, – от исключения с “волчьим билетом”» (1983, с. 19).

«Е. А. Бессмертный был директором гимназии с 1903 по 1907 г. – в период революционных событий, в которых активно участвовали гимназисты» (Столетие Киевской первой гимназии..., 1911, с. 53). Он сумел обойтись без исключения гимназистов из учебного заведения, при этом, по словам еще одного учащегося, Н. П. Анциферова, «вел себя как педагог и видел в нас не страшных революционеров, а детей, за судьбу которых он отвечает прежде всего перед своей совестью... Наша гимназия была едва ли не единственной, где никто из учащихся не пострадал» (1992, с. 104).

В автобиографических воспоминаниях Паустовского и Анциферова о Бессмертном подчеркивается особая харизма директора – уникальная способность воздействовать на учеников. Он вызывал глубокое уважение как у коллег, так и у учащихся за мудро принятые решения и нравственную силу поступков в период революционных волнений в России в 1906 г. «Ни одной фамилии своих воспитанников в различных документах, связанных с революционными событиями и составленных по запросам начальства, Бессмертный не назвал» (Паустовский, 1982, с. 53).

Обращает внимание тот факт, что сидит начальник гимназии (опять же подчеркивает автор «Повести о жизни») не под портретом императора Николая II, что было обычно в то время в любом государственном учреждении, а под портретом великого русского хирурга Н. И. Пирогова, к которому директор гимназии, вероятно, испытывал глубокое уважение и тем самым хотел подчеркнуть свое почтение к его личности и идеям.

Как известно, своей педагогической деятельностью Н. И. Пирогов заслужил уважение и признание педагогической общественности, к которой, по-видимому, относился и Е. А. Бессмертный. «В 1859 г. великий врач, будучи попечителем Киевского учебного округа, издал документ “Основные начала правил о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа”» (Трошкин, Сухарева, 2016, с. 83). После дискуссий, возникших в процессе обсуждения этого документа, в «1864 году телесные наказания в учебных заведениях были отменены». Однако предложения Н. И. Пирогова вызвали раздражение в среде консерваторов, и «в 1866 г. он был отстранен от педагогической работы, а в 1867 г. освобожден от должности попечителя» (Трошкин, Сухарева, 2016, с. 83).

Директор гимназии Е. А. Бессмертный, несмотря на опалу и гонения Н. И. Пирогова, остался верен его гуманистическим идеям. Гениальный хирург и педагог полагал, что процесс обучения и нравственного воспитания должен не пугать, давить и унижать ребенка, а воспитывать в нем гуманность как отзывчивость и чуткость на несчастья другого человека, совестливость как побудитель нравственности и чувство собственного достоинства.

Достоинство принадлежит человеку по праву его рождения. Достоинство, в отличие от чести, акцентирует внимание на уважении и самоуважении человеком самого себя как личности, внутренней уверенности личности в собственной ценности, проявляющейся в сопротивлении всяким попыткам посягнуть на свою индивидуальность и определенную независимость.

Словесное оскорбление личности учащегося в педагогической этике считается недопустимым и рассматривается как собственное бессилие педагога в разрешении конфликтной ситуации.

К. Г. Паустовский, перечисляя наказания, которые имели место в гимназии во время его обучения, пишет, что физических наказаний не было: «Надзирателям полагалось следить за поведением гимназистов и сообщать инспектору о всяческих их проступках. За этим следовали кары – оставление на час или два “без обеда” (иначе говоря, томительное сидение в пустом классе после конца уроков), четверка по поведению и, наконец, вызов родителей к директору. Мы больше всего боялись этой последней кары.

В старших классах существовали и другие наказания: временное исключение из гимназии, исключение с правом дальнейшего обучения и самое страшное – исключение с “волчьим билетом”, без права поступить потом в какую бы то ни было среднюю школу» (1982, с. 832).

Ярким воспоминанием юного гимназиста К. Г. Паустовского о справедливости поступков директора гимназии является увольнение из учебного заведения преподавателя Ягорского, который оскорбил ученика, прилюдно унизив человеческое достоинство гимназиста, назвал его болваном, чем довел до самоубийства.

К. Г. Паустовский вспоминает: «Я видел только одного гимназиста-старшеклассника, исключенного с “волчьим билетом”. Это было, когда я учился уже в первом классе. Рассказывали, что он дал пощечину преподавателю немецкого языка Ягорскому, грубому человеку с зеленым лицом. Ягорский обозвал его при всем классе болваном. Гимназист потребовал, чтобы Ягорский извинился. Ягорский отказался. Тогда гимназист ударил его. За это он и был исключен с “волчьим билетом”» (1982, с. 83).

Потом этот юноша пришел в класс с браунингом и направил его на обидчика, но, увидев, что тот прячется за спинами его одноклассников, назвал Ягорского трусом и выстрелил в сердце самому себе.

Писатель, который в то время был первоклассником, вместе с другими детьми провожал старшеклассника в последний путь, вспоминает, что именно директор гимназии Е. А. Бессмертный вел под руки седую, обезумевшую от потери единственного сына мать. Хоронили своего ученика не только одноклассники, но и вся гимназия. Над могилой, бросая землю, гимназисты как будто дали клятву быть доброжелательными и справедливыми по отношению друг к другу.

В облике Ягорского писатель обращает внимание только на его «зеленое лицо». Злоба, грубость, трусость, по мнению педагога К. Г. Паустовского, не должны быть в человеке, особенно, если это учитель, перед которым стоит задача воспитывать чистую юную душу гимназистов.

На контрасте отношений педагогов Бессмертного и Ягорского к своим ученикам Паустовский подчеркивает значимость личности учителя, его гуманности и модели поведения в процессе обучения и воспитания гимназистов. Подлинная гуманность означает прежде всего справедливость.

Принцип справедливости как своеобразное мерило объективности учителя, проявляющееся в оценках поступков учащихся, всегда реализуется как воздаяние за должное деяние. Значимость этого педагогического принципа в отношениях с учениками неоднократно подчеркивал В. А. Сухомлинский: «Справедливость – это основа доверия ребенка к воспитателю. Но нет какой-то абстрактной справедливости – вне индивидуальности, вне личных интересов, страстей, порывов. Чтобы стать справедливым, надо до тонкости знать духовный мир каждого ребенка» (1979, с. 103).

Примером для подражания у будущего писателя был не только директор гимназии Е. А. Бессмертный, но и классный наставник, преподаватель древних языков и русской словесности, заведующий фундаментальной библиотекой Владимир Фадеевич Субоч. В сложный и тяжелый для юноши Паустовского жизненный момент, когда он по семейным обстоятельствам вынужден был покинуть Киевскую гимназию и перевестись для обучения в Брянск, В. Ф. Субоч пришел на помощь и посодействовал возвращению юноши в Киев.

Слова воспитателя гимназического пансиона писатель помнил всю жизнь: «С нового учебного года, то есть с осени, – писал Субоч, – вы уже зачислены обратно в Первую гимназию, в мой класс, и будете освобождены от платы. Что касается материальной стороны дела, то я смогу предложить вам несколько приличных уроков. Это даст возможность существовать хотя и скромно, но самостоятельно и ни для кого не являться обузой. А пережитыми передрыгами не огорчайтесь – *tempora mutantur et nos mutamur in illis*, – надо надеяться, что меняемся мы в лучшую сторону» (Паустовский, 1982, с. 151).

В деловом письме наставника В. Ф. Субоча будущему писателю ощущается «ласковость», отеческая забота, равнодушие педагога к судьбе своего воспитанника. «Я понял ласковость письма и ещё понял, что с этой минуты я уже сам, ни на кого не надеясь, начинаю строить свою жизнь», – писал Паустовский (1982, с. 151) в произведении «Далёкие годы».

Вернувшись в Киев, юный Константин стал совмещать учебу в гимназии с работой репетитором и при такой нагрузке смог увлечься и творчеством.

Дополнительным штрихом к нравственно-психологическому портрету личности В. Ф. Субоча является эпизод встречи третъеклассника Константина Паустовского с учителем во время расстрела демонстрации в Киеве, которая состоялась по случаю высочайшего манифеста о даровании народу гражданских свобод. Педагог спас жизнь маленькому Константину Паустовскому, потребовав, чтобы тот возвращался домой: «Паустовский Константин... и ты здесь! Немедленно отправляйся домой» (1982, с. 115).

Справедливость и честность, искренняя забота о гимназистах, способность оказать поддержку в случае необходимости – это реализация на практике моральных принципов человечности, которые в лице Е. А. Бессмертного и В. Ф. Субоча рассматриваются авторами статьи как «человеческий фактор».

«Человеческий фактор» в философии и социологии – это, с одной стороны, человек, кто «созидает нечто, реализуя свои качества (свой потенциал), и, с другой стороны, использует созданное, требующее соответствующих качеств у функционирующего субъекта» (Гаранина, 2009, с. 80). «Человеческий фактор» в педагогике проявляется в психологических, творческих, моральных и умственных способностях педагога влиять на духовный мир своих воспитанников и в определенных ситуациях правильно оценивать и учитывать личностно-психологические особенности ученика. Уточним, что в педагогике «человеческий фактор» можно рассматривать как единство созидательной и функциональной сторон деятельности учителя, его индивидуальный порог толерантности и ответственности, личностной самооценки, выражающей приверженность общему Благу.

Любовь, душевная чуткость и отзывчивость, внимательность и забота о своих воспитанниках, привитые в гимназии педагогами Бессмертным и Субочем, – это примеры проявления душевного расположения к детям, те нравственные человеческие качества, которые в дальнейшем К. Г. Паустовский реализовал в своей педагогической деятельности, считая их наиболее важными в роли педагога и наставника. «Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он – совершенный учитель», – писал Л. Н. Толстой (1957, с. 195).

Как справедливо отмечает великий русский педагог В. А. Сухомлинский: «Душевная чуткость – это качество, которое невозможно достигнуть только обучением. В основе человеческой чуткости педагога лежит обшая интеллектуальная, нравственная, эстетическая и эмоциональная культура в их органическом единстве, а это единство достигается и образованностью, и общественным опытом нравственных отношений в коллективе» (1979, с. 169).

Одна из сложных педагогических проблем во взаимоотношениях «учитель – ученик» – это проблема доверия, сопряженная с интересом педагога к личности ученика, искренности, терпимости к его недостаткам. Добрые и светлые воспоминания остались в памяти юного Паустовского о преподавателе географии Николае Трофимовиче Черпунове (в книге – Черпунов), который дома по выходным и праздничным дням знакомил гимназистов с богатейшей естественно-научной коллекцией. Писатель вспоминал о нем: «Низенький, с длинной, почти до колен, серой бородой и узкими глазами, Черпунов напоминал колдуна. Недаром и прозвище у него было “Черномор”» (Паустовский, 1982, с. 211). Домашние встречи педагога и учеников в тесном контакте друг с другом формировали особое чувство доверия и взаимопонимания. Черпунов сумел вызвать интерес гимназистов

к географии, заинтриговать и «подтолкнуть» их воображение к познанию, чем «снискал» глубокую симпатию и уважение среди учащихся. Кредо принципа гуманизма Черпунова – это добрые отношения с гимназистами, которые являются залогом плодотворного сотрудничества.

Восхищались гимназисты и преподавателем психологии и русской литературы Иосифом Брониславовичем Селихановичем (внешне он был похож на поэта Брюсова) с его удивительно редким даром – способностью живописного изложения материала. «Он “промыл” перед нами русскую литературу, как опытные мастера-реставраторы промывают картины. Он снял с нее пыль и грязь неправильных и мелких оценок, равнодушия, казенных слов и скучной зубрежки. И она заиграла перед нами таким великолепием красок, глубиной мысли и такой великой правдой, что многие из нас, уже взрослые юноши, были поражены» (Паустовский, 1982, с. 221).

«Самые сложные философские построения в его пересказе становились понятными, стройными и вызывали восхищение широтой человеческого разума» (Паустовский, 1982, с. 221). «Философы, писатели, ученые, поэты, чьи имена до тех пор воскрешали в памяти только мертвые даты и сухой перечень их “заслуг перед человечеством”, превращались в осязаемых людей. В изображении Селихановича они никогда не существовали сами по себе, вне своей эпохи» (Паустовский, 1982, с. 221).

В мемуарах бывшего гимназиста Н. П. Андиферова о педагоге по русской литературе также встречаются позитивные отзывы «о скорее рационально-критическом, чем эмоционально-восторженном и мистическом складе ума Иосифа Селихановича... что не лишало его душевной чуткости и тонкости восприятия» (Московская, 2023, с. 70).

Главное место в воспитательной работе в гимназии, согласно министерским установкам, отводилось религиозно-нравственному облику воспитанника. Поскольку территория Малороссии была полиэтничной и на ней проживали не только русские, украинцы, но поляки и евреи, то в основе межличностных и деловых отношений в гимназии господствовал принцип толерантности. «Среди них преобладали православные (601 учащийся), также были католики (106), иудеи (45), лютеране (18), один старообрядец и один караим» (Отчет о торжественном годовичном акте..., 1908). В рассказах Паустовского нет упоминаний о том, что к учителям и к ученикам гимназии предъявлялись жесткие ограничения по поводу их вероисповедания.

В «Повести о жизни» писатель вспоминает личности двух вероучителей, читающих «Закон Божий» в гимназии, – «холодного и ненавистного» отца-протоирея православной церкви Трегубова и добродушного, «отпускающего грехи» ксендза-каноника католической церкви Олендского (Паустовский, 1982, с. 98). Отметим, что особое внимание в своих рассказах писатель уделяет добрым взаимоотношениям православных гимназистов с католиком – «ксендзом» Олендским, которого хорошо знали многие киевляне. «Высокий, тучный, с белой головой, с черными четками на руке, он нисколько не удивлялся, когда в дверях его класса показывался смущенный “российский” гимназист» (Паустовский, 1982, с. 98).

Добродушный ксендз «со смеющимися глазами», преподававший полякам-гимназистам католический «Закон Божий», часто прятал у себя на занятиях православных беглецов, сбежавших с уроков сурового протоирея Трегубова.

Отеческая забота Олендского о благе каждой личности характеризует его не просто как благого деятеля, проявляющего любовь к своим воспитанникам, независимо от их конфессиональной принадлежности, но и как милосердного, сопереживающего им христианина, напоминающего о великом милосердии Бога, помиловании человека Божьим судом и прощении его грехов. Щедрый и принципиально добрый, а не добренький ксендз – это пример демонстрации доброжелательности вероучителя, признании им несомненной ценности любого учащегося, даже в чем-то провинившегося. В случае, если гимназист без запинки «наизусть читал» «Магнификат», он всегда получал заслуженное вознаграждение ксендза: «Олендский доставал из кармана сутаны горсть конфет, похожих на кофейные зерна, и щедро высыпал их на ладонь беглецу» (Паустовский, 1982, с. 99).

В данном фрагменте текста К. Г. Паустовский, вероятно, оценивает уровень не столько религиозно-нравственной воспитанности Олендского, сколько его сердечность и человечность.

Однако наряду с доброжелательностью и щедростью Олендского в воспоминаниях К. Г. Паустовского о католическом канонике прослеживается некая ирония в его отношениях с воспитанниками.

«Ах, лайдак, лайдак!» – Олендский начинал трястись от смеха. “Подойди сюда!” Гимназист подходил к Олендскому. Ксендз громко хлопал его табакеркой по голове. Этот жест обозначал отпущение грехов» (Паустовский, 1982, с. 98).

Писатель удивительно тонко подчеркивает забавность и смехотворность процедуры отпущения грехов как освобождения от кары небесной – «табакеркой по голове». Эта насмешка над раскаянием подчеркивает некое формальное отношение каноника к своим религиозным обязанностям и одновременно лицемерность покаяния гимназистов, отсутствие в их сердцах истинных христианских постулатов и ценностей.

В рассказе «Осенние бои» К. Г. Паустовский вновь обращается к личности Олендского. В ходе традиционной осенней драки гимназистов между двумя классными отделениями – аристократическим и демократическим – «в сад поспешно спустился и ксендз-каноник» (Паустовский, 1982, с. 166).

Добрый Олендский, от которого гимназисты ждали слов для примирения враждующих сторон: «Нам хотелось увидеть, как Олендский подымет над головой крест», но он, наоборот, «засучив рукава сутаны, начал разнимать дерущихся и расшвыривать их в разные стороны, получая, по-видимому, при этом удовольствие» (Паустовский, 1982, с. 166). Паустовский акцентирует внимание на «разгоряченном и сияющем лице» католического священника, который выступил в этой борьбе не столько как духовное лицо, а как увлекшийся азартной борьбой на арене спортсмен.

В сознании гимназистов идеальный священник воспринимался как духовный пастырь, который имеет дело со святостью, святыней, а значит с небесным, неземным, как по форме, так и по сути. Однако поведение ксендза как законоучителя не всегда соответствовало должному, хотя его человечность и сердечность гимназисты использовали себе во Благо.

В отличие от ксендза Олендского, соборного православного протоиерея, законоучителя Симеона Ивановича Трегубова «боялись не только гимназисты, но и учителя... Он стоял на равной ноге с киевским митрополитом и приводил в полное безгласие захудалых сельских батюшек, когда они являлись к нему получать разнос за недостойные поступки» (Паустовский, 1982, с. 97). Протоирей и «вправду был похож на Бога Саваофа с церковного купола – огромный, с широкой бородой и гневными бровями» (Паустовский, 1982, с. 97).

После появления Трегубова в гимназии были уничтожены вековые традиции преподавания «Закона Божьего», которые заключались в том, что обычно «по этому предмету гимназисты получали пятерки. Объяснялось это, очевидно, тем, что законоучители по обязанности своей должны были проявлять человеколюбие и старались не огорчать гимназистов», а возможно, «и законоучители, и гимназисты не относились к этому предмету всерьез» (Паустовский, 1982, с. 96).

Писатель вспоминает: «Мы ненавидели его (Трегубова) так же холодно, как и он нас...», но «церковные тексты мы заучивали на всю жизнь» (Паустовский, 1982, с. 98). Общеизвестно, что педагог всегда воздействует на учеников «своим присутствием». Вероятно, суровость и чрезмерная требовательность, с которой обращался с воспитанниками Трегубов, вызывали страх и тревогу в душах его подопечных. «Мы пользовались любым поводом, чтобы удрать с “Закона Божьего”» (Паустовский, 1982, с. 98).

Возможно, конфликт класса и Трегубова как чистого законника, скрупулезно соблюдающего ритуал, был связан с его в большей степени формальным имиджем православного священника, протоиерея, в котором не было истинного и главного чувства педагога и наставника – милосердия и любви к детям.

Следовательно, милосердие – это деятельное сострадание и конкретно выраженная доброта по отношению к нуждающимся и обездоленным. Немилосердный – жестокий, яростный, не чувствующий боли другого, не замечающих его бед, презирующий ближних. Вероятно, именно этой душевной потребности – милосердия – воспитанники гимназии так и не ощутили от православного священника.

Юный Паустовский вспоминает Трегубова как гонителя свободомыслия и любителя выступать на модных в то время религиозно-философских диспутах. «Он говорил гладко и сладко, распространяя запах одеколона» (Паустовский, 1982, с. 98). Складывается такое впечатление, что речь идет не столько о священнике, обращающемся к душам паствы, а о самовлюбленном ораторе (актере), который заявляет о своей значимости на сцене.

«Трегубов прослужил в гимназии несколько десятилетий – с 1885 г., причем с 1905 г. являлся также священником Киево-Софийского кафедрального собора, где был и заведующим библиотекой. Многие годы избирался председателем епархиальных съездов духовенства Киевской епархии, в 1910 г. стал членом Государственного совета от православного белого духовенства» (Столетие Киевской первой гимназии..., 1911, с. 193-194).

Паустовский в деталях описывает последний урок протоиерея, на котором гимназисты смогли оценить поступок Трегубова, связанный с уходом из жизни великого русского писателя Л. Н. Толстого 29 ноября 1910 г.

Смерть Льва Толстого потрясла всю Россию. Это печальное известие гимназистам сообщил дежурный Матусевич, который зашел в класс на урок «Закона Божия»: «...умер величайший писатель нашей страны, а может быть и всего мира, Лев Николаевич Толстой» (Паустовский, 1982, с. 103). Поражает мгновенная реакция учащихся всего класса: «Громыхнули крышки парт. Весь класс встал. В глубочайшей тишине был слышен цокот копыт...» (Паустовский, 1982, с. 103).

В России все знали о том, что писатель после личного духовного переворота (1881 г.) в сознании дистанцируется от церкви. Л. Н. Толстой подвергает резкой критике все стороны церковной христианской жизни: догматическое православное учение, существование Божественной благодати и необходимость спасения, отрицает все таинства, в том числе и таинство Евхаристии. Отклик гимназистов на страшную весть о смерти писателя показывает весь трагизм ситуации, сложившейся в классе. Как реагировать? С одной стороны, отношение учащихся к выдающейся личности гения, восхищавшихся его литературным творчеством, а с другой стороны – это отношение к человеку, который сам себя отторг от церковного общения и впоследствии был отлучен от церкви. Творчество писателя и его человеческий гений одержали верх над христианским осуждением: весь класс встал!

«Единственным человеком в классе, который “замер” от неожиданности, был Отец протоирей (Трегубов), учитель “Закона Божия”, поднявшийся только после просьбы дежурного:

– Встаньте, отец протоиерей! – очень тихо сказал ему Матусевич.

Трегубов медленно и грузно встал. Шея его налилась кровью. Он стоял, опустив глаза. Прошло несколько минут. Нам они показались часами. Потом все сели бесшумно и медленно. Трегубов взял журнал и пошел из класса» (Паустовский, 1982, с. 103).

Слова протоиерея, обращенные к классу, остались в памяти гимназиста Паустовского: «Вы заставили меня почитать память вероотступника, отлученного от церкви. Не будем говорить о том, что он был великим писателем. Я совершил преступление против своего сана и понесу ответ перед Богом и высшими церковными властями. Но с этого дня я уже не преподаватель в вашем классе. Прощайте. И да вразумит вас господь» (1982, с. 103).

Вероятно, свое решение Трегубов принимает импульсивно и под влиянием православной традиции, соотношенной с требованиями жизни истинного христианина, и исходя из необходимости подчинения авторитету церкви – осуждения вероотступника. Не претендуя на истинность суждения, можно предположить и иное:

поступок протоирея – это пример покаянной рефлексии, внутреннего самоанализа верующего педагога, который по велению голоса совести сам покидает учебное заведение, осознавая ошибочность своего деяния, несоответствия с требованиями жизни истинного христианина.

Согласимся с философским тезисом о том, что глубина рефлексии (в том числе и педагога, и вероучителя) зависит от развитости его морального сознания, психических переживаний и состояний, которые он направляет на анализ и контроль своих действий. Рефлексирующий учитель – это думающий, анализирующий педагог. Это, как сказал Дж. Дьюи (1997), «вечный ученик своей профессии» с неутолимой потребностью к саморазвитию.

Сложно однозначно оценить отношение Паустовского к личностям педагогов – вероучителей, священнослужителей – ксендза Олендского и протоирея Трегубова, вероятно, не всегда способных почувствовать «душу» ребенка, но, по мнению авторов статьи, они не имели такого авторитета, как Е. А. Бессмертный и В. Ф. Субоч. Священники в учебном заведении выполняли свой служебный долг как необходимость, но гимназистам необходимо было «живое» пастырское слово, лишенное формальности и свидетельствующее о Христе и истине спасения человека в нем. Истина в христианском учении освобождает личность от ложных взглядов и предрассудков. Заучивание наизусть молитв и текстов Священного Писания, знание православной культуры не помогли практического применения в отношениях педагогов с гимназистами, и здесь важна была не столько методика преподавания, сколько личный пример учителя и созданная им благоприятная окружающая обстановка.

Страх гимназистов перед Трегубовым вынуждал учащихся механически и формально относиться к «Закону Божию» и убегать с занятий протоирея. Человечность и сердечность Олендского гимназисты использовали себе во Благо и воспринимали каноника с некоторой долей иронии. Возможно, именно такое формальное отношение к своим пастырским обязанностям и сформировало поколение молодых людей, разочаровавшихся в идеях Бога и примкнувших к революционным событиям начала XX в. в России.

И сегодня ученые, рассматривая педагогическую деятельность как форму служения нравственному идеалу, подчеркивают, что «она одушевляется любовью к детям, которым предстоит сделать шаг к её осуществлению» (Махринова, Егорушина, Хусаинова, 2021, с. 223). «Любовь – это активность, а не пассивный аффект, это помощь...» (Фромм, 1995, с. 85). Как справедливо отмечает великий русский педагог А. С. Макаренко: «Именно любовь способствует формированию у воспитуемых умения видеть и принимать сердцем окружающую действительность, болеть душой за происходящее» (1984, с. 8).

Важно подчеркнуть, что К. Г. Паустовский и сам обладал редкостным талантом Учителя с развитой потребностью к самосовершенствованию. Писатель более десяти лет вел семинар прозы в Литературном институте им. Горького и возглавлял кафедру литературного мастерства. В статье «Кому передавать оружие?» прозаик отмечает наиболее талантливых своих слушателей, «которым можно спокойно передать “судьбу литературы”»: Инна Гофф, Юрий Бондарев, Владимир Тендряков, Юрий Казаков, Ричи Достян, Борис Балтер, Сергей Никитин, Анатолий Злобин, Наталья Тарасенкова, Андрей Меркулов» (Паустовский, 1984, с. 390).

Инна Гофф в своей книге «Превращения. Повесть воспоминаний» писала о К. Г. Паустовском: «Не случайное среди его страстных поклонников много учителей. Он умел [на занятиях] создать особую, таинственно-прекрасную атмосферу творчества, – именно это высокое слово хочется здесь употребить... Он был магом... Быть учеником Паустовского не просто» (1984, с. 118).

В «Воспоминаниях о Константине Паустовском» Юрий Бондарев подчеркивает: «Его общение со студентами высекало искру – хотелось писать лучше, глубже любить жизнь и литературу так же, как и он» (1975, с. 29). Долг перед своими учениками стоял у писателя на одном из первых мест, даже в моменты собственной напряженной работы. Он верил многим из них, верил молодому поколению писателей, заявивших к этому времени о себе в полный голос.

Только Учитель, обретший смысл жизни и своей профессии, способен организовать и вовлечь учеников в процесс осмысления жизненных духовных ценностей, смысложизненных ориентиров и творческий смыслопоиск.

Как верно отмечает Е. В. Бондаревская, современная «переориентация образовательного процесса на духовно-нравственное воспитание будет состоять в превращении образования в реальный ресурс реализации в российском социуме таких ценностных ориентиров, как духовность, нравственность, культура, гуманность, долг, благородство, свобода, достоинство, честь, совесть, справедливость, что, в свою очередь, станет предпосылкой улучшения качества жизни человека» (2007, с. 14).

Следовательно, новая модель инновационного образования – модель активного обучения, где целью является сам процесс обучения, не может рассматривать педагога только как носителя знаний и консультанта в учебном процессе. Педагог – это и воспитатель, наделенный способностями сопереживать, сострадать и радоваться вместе с учащимися. Личность педагога-воспитателя выражается в свойствах и качествах характера педагога, в его личностных установках и приоритетах, уважительном отношении к воспитанникам и к своей работе, в его культуре общения, образе мышления, идеалах и морально-нравственных поступках, в его совестливости, справедливости и ответственности за судьбу ребенка.

В современной гуманистической парадигме образования «ученик принимается учителем “равным себе”»: не равным по опыту жизни, уровню образования и т. п., а равным потому, что ученик – Человек и с ним возможно ценностно-смысловое единство.

На самом деле это принципиальная педагогическая позиция: человек (наш воспитанник) – всегда цель и никогда средство» (Степанов, Лузина, 2003, с. 44).

Заключение

На основе воспоминаний К. Г. Паустовского о годах школьного обучения в Первой Киевской гимназии и реконструкции документально-художественных образов ее учителей можно сделать следующие выводы.

Проблемы взаимоотношений учителя и ученика, их взаимное влияние друг на друга относятся к области классических, а значит вечных в истории педагогики, и главную роль в их разрешении играет именно учитель – источник, носитель и проводник знания, наставник и воспитатель.

В рассказах «Кишата», «Первая заповедь», «Преподаватели гуманитарных наук», «Вода из реки Лимпопо», «Осенние бои», «Артиллеристы», «Я был, конечно, мальчишкой» писатель воссоздает образы диаметрально противоположных педагогов, отношения с которыми у гимназистов были изменчивыми – от симпатии до вражды. Для К. Г. Паустовского учитель – это прежде всего нравственная личность, которая отвечает за душевное здоровье ученика, его моральные ценности и жизненные приоритеты. Отношение учителя к своему педагогическому труду и к ученикам – это не просто выполнение функциональных обязанностей, это особая высокая миссия – благородная миссия служения своему делу.

К. Г. Паустовский подчеркивает главное качество истинного педагога как воспитателя – это гуманность, которая включает в себя широкий спектр моральных ценностей, принципов, норм личности и выражается в умении видеть за поступками учащегося – формирующегося гражданина. Гуманность проявляется в компетентном спасении чести униженного и обиженного, восстановлении его физического и психического здоровья, воспитании гармонично развитой личности. Заниматься воспитанием может только тот педагог, который обладает не только учительским талантом и творчеством, а нравственно-волевыми качествами: внимательностью, человечностью, справедливостью, ответственностью, самокритичностью и подлинной любовью к детям. К основным психическим свойствам педагога авторы статьи добавляют гибкость, эмоциональную чувствительность и отзывчивость, способность воздействовать на личность воспитанника.

К опытным духовным наставникам и воспитателям, создателям особого гуманного мира идеалов и общечеловеческих ценностей в сознании гимназистов, писатель относит директора гимназии Е. А. Бессмертного и классного наставника, латиниста В. Ф. Субоча. Это педагоги-гуманисты, для которых служение детям, «внимательная любовь» к ним, тактичность, чуткость и сострадание – это призвание, особый дар, который не зависит от стажа учителя и его возраста.

Наряду с портретами Е. А. Бессмертного и В. Ф. Субоча, прозаик реконструирует образы вероучителей, священнослужителей – ксендза Олендского и протоирея Трегубова, которые по своему статусу были духовными наставниками учащихся и отвечали за религиозно-нравственные ориентиры гимназистов, но при этом их учебная деятельность носила характер авторитарного технологического процесса по трансляции учебного материала («Закона Божия») и контролю знаний. Эгоцентризм и нечувствительность мышления Трегубова, категоричность и жесткость в суждениях свидетельствуют о его завышенном профессиональном самолюбии, чувстве собственной непогрешимости и отсутствии рефлексивной культуры.

Рефлексия педагога – это важнейшее профессионально значимое качество, заключающееся в оценочном осмыслении педагогом себя как профессионала, деятельности как формы творческого самовыражения и взаимодействия с детьми как способа управления учебно-воспитательным процессом на личностном, деятельностном и интерактивном уровнях и определяющее уровень его профессиональной пригодности. Способность учителя правильно оценивать и учитывать личностно-психологические особенности ученика обеспечивает формирование условий для личностного роста воспитанника, его ценностных установок и мировоззренческих ориентиров.

Следовательно, нахождение педагогом личностных смыслов своей деятельности, стремление удовлетворить свои актуальные потребности и реализовать индивидуальные ценности с учетом осознанного понимания внутреннего мира другого человека (ученика как уникальной личности) позволят учителю мысленно осознать проблему и принять решение поступать определенным образом.

Таким образом, педагогическая рефлексия, как и традиционные принципы знаниевой парадигмы в образовании, а именно: справедливость, ответственность, толерантность и благодеяние учителя с установкой на воспитание у обучающихся универсальных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей, о которых в своих воспоминаниях рассказывает К. Г. Паустовский, не утратили своей значимости и сегодня. Процесс смены теоретических и методологических положений, определяющих стандарты в образовании, не предполагает глубокого разрыва между старыми и новыми парадигмами.

Только при сбалансированном подходе, а именно при разумном сочетании традиционного и инновационного подходов к обучению, можно получить полное и емкое знание. Нарботанный за столетия опыт, традиции и практика отечественного образования (обучения и воспитания) – это то, что нельзя списывать и утилизировать как отработанный исторический материал.

В этой связи актуально звучит мудрое суждение экс-министра образования и науки РФ О. Ю. Васильевой (2017): «Если мы отказываемся от прошлого, то мы не имеем сердца, если мы не смотрим в будущее, мы не имеем головы... Образование – очень живой организм, который просто не способен быстро и резко меняться. Он эволюционирует постепенно. Поэтому все попытки революционных преобразований, которые не раз случались в истории, ни к чему хорошему не приводили. Именно в этой сфере – никогда».

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении личности педагога как особого «лица» в новейшей истории современной России и гуманистической парадигме отечественного образования, педагога как носителя уникальных интеллектуальных теоретических знаний о мире общечеловеческих идей и духовно-нравственных ценностей, помогающего воспитанникам осваивать духовное наследие прошлого и разрабатывать жизненные программы будущего.

Источники | References

1. Бондаревская Е. В. Антикризисная направленность современного воспитания // Педагогика. 2007. № 3.
2. Гаранина О. Д. Человеческий фактор в контексте концепции человеческого потенциала // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. Серия: История, философия, социология. 2009. № 142.
3. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления / пер. с англ. Н. М. Никольской. М.: Совершенство, 1997.
4. Конопатов С. Н., Бышовец Б. Д., Прокудин В. Н. Парадигмы образования: сравнительный анализ // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-3.
5. Краевский В. В. Содержание образования – потребности, концепция, стандартизация // Каким должен быть образовательный стандарт: сборник. М., 2002.
6. Краснощекова Г. А., Лагунова О. А. Интеграция традиционного и инновационного обучения: pro et contra традиции и потенциал синтеза двух моделей // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 11-1.
7. Махринова М. В., Егорушина М. Г., Хусаинова Н. Б. Педагогическая этика: основные принципы деятельности // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 2.
8. Михайлова Г. А. Проблема взаимоотношений учителя и ученика в американской науке об образовании: автореф. дисс. ... к. пед. н. Тула, 2004.
9. Московская Д. С. «В начале жизни школу помню я...». Первая киевская гимназия: опыт социальной педагогики // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: сб. научных статей. М.: МАКС Пресс, 2023. Вып. 1 / Музей К. Г. Паустовского, ИМЛИ им. А. М. Горького РАН; отв. ред. М. В. Скороходов.
10. Скороходов М. В. Гимназист Константин Паустовский: становление творческой личности и формирование системы образов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 17.
11. Скороходов М. В. «Повесть о жизни» К. Г. Паустовского как источник ранней биографии писателя // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: сб. научных статей. М.: МАКС Пресс, 2023. Вып. 1 / Музей К. Г. Паустовского, ИМЛИ им. А. М. Горького РАН; отв. ред. М. В. Скороходов.
12. Степанов Е. Н., Лузина Л. М. Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания. М.: ТЦ Сфера, 2003.
13. Трошкин А. А., Сухарева М. В. Вклад Пирогова в развитие отечественной педагогики // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2016. Т. 2. № 4 (15).
14. Яновская Л. М. Творческий путь Михаила Булгакова. М.: Сов. писатель, 1983.

Информация об авторах | Author information

Галяс Ирина Анатольевна¹, к. филос. н., доц.
Руденко Жанетта Анатольевна²

^{1,2} Севастопольский государственный университет

Irina Anatolyevna Galyas¹, PhD
Zhanetta Anatolyevna Rudenko²

^{1,2} Sevastopol State University

¹ Korol_Irina9@mail.ru, ² riv1953@ya.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.05.2024; опубликовано online (published online): 24.06.2024.

Ключевые слова (keywords): традиционная знаниевая парадигма образования; духовно-нравственный потенциал личности педагога; человеческий фактор; профессиональная рефлексия; общечеловеческие моральные принципы и ценности; traditional knowledge paradigm of education; spiritual and moral potential of a teacher's personality; human factor; professional reflection; universal moral principles and values.